

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
СИБИРИ

Серия основана в 1975 г.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР *Н. Н. Покровский*

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1991

ТЗ(2Р5)46,01
ББК 83.3(0)4+83.3(0)5
И89

Редакционная коллегия

член-корреспондент АН СССР Н. Н. Покровский,
доктор филологических наук Е. К. Ромодановская,
кандидат филологических наук Л. В. Титова (отв. секретарь)

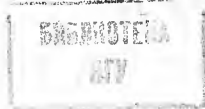
Рецензенты

кандидаты исторических наук
Н. К. Тимофеева, А. Х. Элерт

Утверждено к печати

Объединенным институтом истории, филологии и философии
СО АН СССР

476506

ТЗ(2)

И 910

Источники по истории общественного сознания и литерату-
И89 **ры периода феодализма.— Новосибирск: Наука. Сиб. отделен-**
ние, 1991.—(Археография и источниковедение Сибири).— 259 с.
ISBN 5—02—029740—2.

Авторы статей сборника на обширном архивном материале ставят проблемы идеологии крестьянства Сибири периода феодализма. Ряд статей посвящен вопросам идеологии старообрядчества. Анализируются произведения древнерусской литературы, дается их текстологический анализ, решаются спорные вопросы происхождения отдельных сочинений.

Книга предназначена для историков, филологов.

И 0503020200—201 75—91 II полугодие
042(02)—91

ББК 83.3(0)4+83.3(0)5

ISBN 5—02—029740—2

© Издательство «Наука», 1991

Предисловие

Пятнадцатый сборник серии «Археография и источниковедение Сибири» составлен по принятому в предыдущих сборниках принципу сочетания исторических и филологических исследований, сибирской и общерусской проблематики.

В соответствии с основными научными интересами новосибирского археографического центра преимущественное внимание уделено периоду XVII — начала XVIII в. — переходной эпохе от сословно-представительной монархии к имперской России, от древнерусской литературы к литературе нового времени. Вместе с тем авторы сборника иногда выходят и на более ранние, и на более поздние сюжеты.

В частности, в сборнике исследуется проблема русской исторической прозы (хронограф и историческая повесть) начиная с XV — XVI вв. Повесть о взятии Царьграда турками играла особую роль в складывании официальной идеологии московского самодержавия. Сейчас эта проблематика вызывает повышенный интерес не только в нашей стране, но и за рубежом, поэтому строгое конкретное исследование темы особенно необходимо.

Начало качественных изменений в древнерусской идеологии и литературе XVII в. связывается обычно с отражением в литературном процессе катаклизмов Смутного времени. Настоящий сборник продолжает традицию серии и уделяет внимание памятникам русской общественной мысли начала XVII в.

Часть статей сборника посвящена памятникам русской демократической литературы XVII и XVIII вв.: Повести о Савве Грудцыне, уже неоднократно привлекавшей внимание исследователей, но содержащей немало нерешенных источниковедческих проблем, а также яркому стиху начала XVIII в., в юмористическом ключе решающему традиционную для древнерусской литературы тему пьянства. Памятник отличается определенной умеренностью требований, свойственной народному сознанию, и далек от крайней бескомпромиссности кружка «ревнителей древнего благочестия».

Историки и филологи Новосибирска, Свердловска и Москвы выступают в сборнике со статьями и публикациями текстов, несущих информацию о различных аспектах истории, идеологии и литературы русского старообрядчества. Отдельные работы посвящены

А. А. БРОДНИКОВ.

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ
О ВЗГЛЯДАХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ XVII в.
НА СВОИ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ**

Базой для изучения общественного сознания служилых людей Восточной Сибири XVII в., в частности их взглядов на свои права и обязанности, являются документальные (делопроизводственные) источники, относящиеся, согласно классификации Л. Н. Пушкарева, к разряду канцелярских¹. Все эти источники в целом по структуре, форме и содержанию можно разделить на несколько групп.

Грамоты и указы — это документы, определяющие отношения вышестоящих лиц и учреждений с нижестоящими, предписания по конкретным вопросам. В XVII в. внешняя разница между грамотой и указом отсутствует, и определить принадлежность того или иного источника можно, как правило, по содержанию. Указы, представляющие собой законодательные документы, превосходят грамоты по объему и несут распорядительную информацию более широкого плана. Грамоты гораздо конкретнее и несут распоряжения частного характера.

Грамоты и указы исходили от царского имени и имели следующий формуляр: 1) адресант («От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси...»); 2) адресат («...в Сибирь, в Енисейский острог, воеводе нашему Афонасию Филиповичю Пашкову»); 3) информативная часть — изложение сути дела; 4) распоряжение («И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б...»); 5) дата («Писан на Москве лета 7159-го августа 30 дня»)².

Наказы, наказные памяти, памяти, относящиеся к нашей теме, представляют собой письменные распоряжения и предписания, исходящие из Сибирского приказа или от разрядных воевод нижестоящим воеводам или приказчикам и служилым людям. Документы эти имеют конкретный характер и по объему, как правило, в несколько раз превосходят источники, названные выше. Разницу между наказом и памятью можно определить лишь по содержанию.

Наказы представляют собой сопроводительные письма, как правило вручаемые определенным лицам, приезжавшим в Сибирь, о на-

¹ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 206, 267.

² Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 535, № 473.

значении их на какую-либо должность с подробным перечислением служебных обязанностей (например, наказ из Сибирского приказа вновь назначенным воеводам или каким-либо лицам, отправляемым для выполнения особо важного задания: наказ тобольских воевод князей А. А. Хованского и И. В. Волынского Андрею Дубенскому о строительстве Красноярского острога)³.

Наказная память — аналогичный документ, представляющий собой письменное предписание последней инстанции. Выдавалась она в воеводской канцелярии служилым людям, посылаемым куда-либо с конкретным заданием, чаще всего — для установления (или восстановления) мирных отношений с «иноземцами». Выделение наказной памяти в отдельный вид документа возможно по той причине, что ее содержание имеет общие черты и с наказом (сопроводительное письмо) и с памятью (инструкция о последующих действиях). Так же как и предыдущая группа документов, наказания и наказные памяти имеют единый формуляр: 1) дата («Лета 7135-го июня в 1 день...»); 2) обоснование (...по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу...); в случае, если наказ составлялся в Сибирском приказе, этот пункт сливался с последующим; 3) адресант; 4) адресат; 5) в некоторых случаях присутствует информативная часть, описывающая события предыдущего промежутка времени и объясняющая причину появления данного документа; 6) инструктивная часть, как правило — довольно пространная; 7) предупредительная часть — о мере ответственности адресата в случае нарушения или невыполнения наказа (...и Андрею за то от царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси быти в великой опале)⁴.

Память представляет собой документ предписывающего характера, что-то вроде инструкции о действиях при определенных обстоятельствах. Память могла вручаться всем должностным лицам — от воеводы (иногда — в качестве приложения к наказу) до приказчика и рядового казака. Формуляр памяти: 1) дата; 2) обоснование; 3) название документа («память»); 4) адресат; 5) информативная часть; 6) инструктивная часть; 7) адресант.

Сведения, содержащиеся в вышеперечисленных видах документации распорядительного характера, охватывают практически все сферы жизни и деятельности служилых людей⁵.

Отписки по содержанию можно разделить на два подвида. Это различного рода отчеты, сообщения и т. д. представителей административного аппарата, адресованные в вышестоящие инстанции,

³ Там же. С. 330—333, № 237.

⁴ Там же.

⁵ Н. А. Миненко дает такую характеристику только указам (см.: *Миненко Н. А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII — первой половины XIX в. Новосибирск, 1981. С. 21*). По нашему мнению, эта характеристика приемлема для всех перечисленных документов — разумеется, с оговоркой, что распорядительная документация, например, приказной избы более конкретна, чем указ Сибирского приказа. Но все наказания и памяти в совокупности как раз и охватывают весь перечень проблем, встречающихся в грамотах и указах.

в том числе царю и в Сибирский приказ, а также официальная переписка должностных лиц одного уровня, содержащая, как правило, информацию рекомендательно-предупредительного характера. Информация, содержащаяся в отписках, как и в документации распорядительного характера, касается различных сторон жизни сибиряков. Но в сравнении с предыдущей группой источников отписки обладают большей степенью субъективности, поскольку их авторы излагают свою точку зрения на такие события, как городские восстания, бегство со службы и т. д.

Отписки имеют единый формуляр: 1) адресат; 2) адресант; 3) информативная часть, как правило, с датой какого-либо события, предшествовавшего появлению отписки и кратким описанием этого события («...в нынешнем, господине, во 156-м году марта в 10-й день писал ты ко мне в Енисейский острог»); 4) отчетно-рекомендательная часть; 5) заключение (заверение адресата в дальнейшем его информировании и выполнении последующих инструкций или изложение просьбы, обоснованной в информативной и отчетно-рекомендательной частях ⁶).

Челобитные — пожалуй, самый многочисленный вид источников. Они несут самую широкую информацию о жизни и деятельности служилых: об их политических взглядах, о характере службы, о проявлении инициативы во время походов, об отношениях с местной администрацией, с гарнизонами других городов и острогов, с аборигенным населением края. Челобитные содержат различные просьбы служилых людей: о выдаче жалованья, об отправлении в Москву с пушиной, о переводе в другой гарнизон, о поверстании в командный состав и т. д.

В отдельный подвид можно выделить коллективные челобитные, составлявшиеся от имени десятков и даже сотен служилых людей и представителей других социальных групп сибирского населения, в том числе и «инородческого». В таких случаях просьба касалась каких-либо льгот в отношении службы для данного гарнизона, выдачи жалованья всему гарнизону, замены воеводы, с перечислением его «лихостей» и «обид», творящихся «без государева указа неведомо для чего».

Субъективный характер челобитных, как и отписок, ярко выражен. Добиваясь решения правительством какого-то дела в свою пользу, составители челобитных, как правило, завышали степень своих бедствий ⁷, умело апеллировали к «государевой пользе». Челобитные и отписки, составленные представителями противостоящих социальных сил, взаимно дополняют друг друга и позволяют исследователю более точно определить истинный характер событий. По формуляру челобитные схожи с отписками: 1) адресат (инициальная формула — царский титул: «Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси...»); 2) адресант («...бьет челом хо-

⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 263—264, 412—413, № 163, 325.

⁷ Миненко Н. А. Очерки по источниковедению Сибири. С. 47.

лоп твой Еналейко Бахтеяров...»)⁸; 3) информативно-обосновательная часть; 4) изложение просьбы⁹.

Устоявшийся формуляр иногда нарушался — встречаются челобитные без выделенной четвертой части, где смысл просьбы «растворяется» в тексте информативно-обосновательной части¹⁰. Обнаружены и очень краткие челобитные, где полностью отсутствует третья часть и резолюция на челобитной по своему объему превышает текст челобитчика. Такова, например, челобитная Еналея Бахтеярова. После инициальной формулы и указания адресанта сразу следует изложение просьбы: «...пожалуй меня, холопа твоего, вели, государь, мне быть из Маковского острожку в Енисейском острогу побывать в домишку на время к масленой неделе. Царь государь, смилуйся»¹¹.

Так как дата написания челобитной в тексте, как правило, отсутствует, ее приблизительное определение возможно по дате доставки в Сибирский приказ¹².

На особом месте стоят привлеченные к нашей теме **приходно-расходные книги**. Отсутствие строгого единообразия в делопроизводстве воеводских канцелярий не дает возможности определить формуляр этого весьма содержательного документа, позволяющего выяснить не только реальную выдачу всех видов жалованья, но и на какой год оно выдавалось, куда и в каком количестве отправлялись получавшие его служилые люди, уточнить характер «служб».

В целом все перечисленные выше виды источников на основании имеющегося в них материала позволяют с достаточной объективностью воспроизвести представления служилых людей Восточной Сибири XVII в. о своих правах и обязанностях, о своем месте в обществе.

Находясь на государственной службе, получая жалованье, служилые люди имели определенный круг обязанностей. Но, являясь промежуточным слоем между господствующими и тяглыми категориями населения, они выполняли функции, сближавшие их как с теми, так и с другими.

Обязанности служилых людей Восточной Сибири можно разделить на основные и дополнительные. К основным относились виды служб, связанные с воинской деятельностью: караульная (охрана городов и острогов); защита сельского населения, в том числе и аборигенного («ясадного»), от нападений «немирных иноземцев»; участие во всевозможных походах — военных рейдах, экспедициях для приведения «под высокую государеву руку новых земель», для разведки золота, серебра и других ископаемых; сбор ясака с аборигенного населения; участие в дипломатических поездках; сопровождение

⁸ ЦГАДА, ф. 838, ед. хр. 14, л. 1.

⁹ Там же, ф. 214, стб. 12, л. 384, 443, 539, 554; стб. 31, л. 56—58; стб. 49, л. 420—423 и др.

¹⁰ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 504, № 426.

¹¹ ЦГАДА, ф. 838, ед. хр. 14, л. 1.

¹² Там же, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 546об.; стб. 307, л. 420б.; оп. 4, ед. хр. 26, л. 10б. и др.

в Москву «мяжкой рухляди»; доставка в сибирские города и остроги денежного, хлебного, и соляного жалованья ¹³.

К числу дополнительных обязанностей служилых людей Восточной Сибири можно отнести также работы, выполняемые и другими категориями населения — посадскими и крестьянами: перевозку хлебных запасов, строительство и ремонт острожных укреплений, строительство судов, ямскую гоньбу.

Подобные работы, бывшие по существу феодальной рентой ¹⁴, приводили к сближению социального положения служилых и тяглых слоев, сводили на нет привилегии первых как военно-служилой группы. По этой причине они всячески противились выполнению подобных работ: в коллективных челобитных целых гарнизонов служилые просят освободить их от каких-то работ, мотивируя тем, что создаются большие трудности для выполнения основной обязанности — воинской службы.

Например, енисейские служилые неоднократно просили освободить их от перевозки хлебных запасов из Маковского в Красноярский острог. В коллективной челобитной енисейских служилых 1630 г., писанной «во всех служилых людей место ста человек», приводятся условия службы енисейцев: посылают их за ясаком по 10 чел., под Братский порог с сотником 30 чел. да на рыбную ловлю 10 чел. А оставшихся в остроге посылают по рекам по двое в Москву «с соболиной казной» за посылками, 10 чел. отдано в отряд Я. Хрипунова и т. д., а в Енисейске остается «человек по девяти и по десяти и караульную службу несут беспрерывно». В заключении челобитной — просьба освободить их от этого рода деятельности и учредить ямскую службу ¹⁵.

В обязанности служилых входили всевозможные строительные работы. Когда отряд казаков или стрельцов приходил в новый район для объясачивания местного населения, вставал вопрос о постройке какого-либо укрепления, опорного пункта. В этом случае служилым приходилось браться за топоры — строительные работы делались

¹³ Кудрявцев Ф. А. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII в. Иркутск, 1939. С. 34; Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 72; Александров В. А. Начало хозяйственного освоения и присоединения к России северной части Енисейского края // Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 17; Леонтьева Г. А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 94—97, 101—102; Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30—40-е гг.). Воронеж, 1975. С. 209; Лещенко Г. Ф. Переселения из Белоруссии в Поволжье и Сибирь (конец XVI—XVII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1983. С. 15; Крестьянство Сибири.... С. 128; Чупров А. С. Антифеодальный протест русского населения Сибири первой половины XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984. С. 33; Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. 1986. № 1. С. 60; Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 84—103.

¹⁴ Чистякова Е. В. Городские восстания... С. 38.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 272—282.

для них основной обязанностью. Когда же район становился относительно заселенным и в остроге появлялись крестьяне, посадские, гулящие люди — служилые начинали рассматривать строительство и ремонт укреплений как помеху для выполнения ими воинских обязанностей.

Служилые не отказывались участвовать в строительно-ремонтных работах, но обычно просили привлекать для этой цели представителей других групп населения¹⁶. При необходимости срочного ремонта подобные работы по правительственному указу возлагались на все категории населения. Например, в 1647 г. из Сибирского приказа енисейскому воеводе Федору Полибину было указано: «Как к тебе ся наша грамота придет и ты б в Енисейском у того старого острогу самые худшие места велел поделать без чево вперед без поделки пробывать немочно. Велено бы его поделать енисейскими служилыми и жилецкими людьми, пашенными крестьяны»¹⁷.

Рассматривая дополнительные обязанности как нежелательные, к основным, связанным с воинским делом, служилые относились с большим «радением», проявляя всяческую инициативу, используя свой жизненный опыт. Правительство ценило эти качества служилых людей и старалось их использовать, всячески поощряя. Документальные источники — грамоты, отписки, челобитные — дают тому подтверждение.

Широко использовался опыт служилых людей для урегулирования конфликтов с аборигенным населением. В таких случаях из Москвы следовал указ решить проблему мирным способом, отправив к «улусным людям» опытных служилых. Такова, например, резолюция на отписке тобольских воевод Алексея Трубецкого и Ивана Волынского, сообщавших об убийстве тунгусами посланных к ним за ясаком енисейских служилых в 1627 г.: «Государь слушал и указал: выбрать в Тобольске служилых людей, которые там бывали и которым бы такое дело было за обычей»¹⁸.

Повсеместно в Восточной Сибири использовался опыт служилых людей при выборе мест под остроги¹⁹.

В группе документов 1649 г. — отписок енисейского воеводы Ф. Полибина и грамот из Сибирского приказа — показана организация строительства Баргузинского острога.

В 1649 г. подал челобитную прибывший с байкальской службы енисейский атаман Василий Колесников. В своей челобитной он высказался о целесообразности «послать на весну служилых людей человек с шестьдесят и болши и на устьи Баргузина реки для прииску и приводу земель под государеву царскую руку вновь острог поставить потому, что... по Ангаре реке иноземцы тунгусские княз-

¹⁶ ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 307, л. 646; Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978. С. 176.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 307, л. 509.

¹⁸ Там же, стб. 12, л. 174об.

¹⁹ Там же, стб. 307, л. 162; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. С. 42—43, 49, 240, 330; Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации... С. 58—59.

цы и их улусные люди три рода... государю поклонились и с своих улусов ясак платили... и по Байкалу... озеру иноземцы тунгусские люди Чалкагарский род князец Таптагайко со своими улусными людьми... государю поклонился и ясак платит»²⁰.

Далее говорится о необходимости обеспечить новый гарнизон всеми припасами: «И к тем бы служилым и новоприборным людям, которые... оставлены в Ангарском острожке, послать... государеву жалование свинцу, и пороху, и хлебных и пушечных запасов и иноземцы старым, которые ясак платили, и новым, которые приведутца вновь под... царскую высокую руку на подарки цветных красных сукон и меди, и олова, и одежду, и ножей, и топоров...»²¹

В ответ на эту челобитную енисейский воевода Ф. Полибин послал на Байкал отряд служилых в количестве 60 чел. во главе с сыном боярским Иваном Галкиным.

С ним же были посланы запасы свинца, пороха и хлеба для служилых, оставленных В. Колесниковым в Ангарском острожке. Отряду И. Галкина было велено, «смотря по тамашнему делу», острог поставить «и всякими крепостями укрепить накрепко и ис того острогу призывать к себе в острог тамошних иноземцев», а также собирать информацию об окрестных народах, государствах, «подлинно проведать про золотую и серебряную руду»²².

Инициатива служилых людей распространялась не только на строительство острогов, как, например, в 1630 г. Братского острога Максимом Перфильевым и острога на р. Лене Иваном Галкиным²³.

В челобитной ленского казака Юрия Поспелова, где он описывает свою службу и заслуги, приводится пример организации похода по инициативе служилых людей.

В 1644 г. пятидесятник Курбат Иванов послал из Братска в находившийся в двух днях пути улус бурятского князя Тайлуя служилого Михаила Сорокина с предложением платить ясак русскому царю. Князец ясак платить отказался, присовокупив, что если к нему будут еще присылать служилых, то он их в котле сварит. Узнав о том, что князец «государеву величеству учинил непослушание», служилые потребовали от пятидесятника К. Иванова «идти на улус войском». В результате совершенного похода улус был захвачен и взяты аманаты²⁴.

В документах XVII в. неоднократно встречаются факты снаряжения экспедиций служилыми за свой счет, затраты собственных средств при выполнении служебных обязанностей. Уже Г. Ф. Миллер приводил в качестве примера поход казаков во главе с Андреем Дубенским, посланным для строительства Красноярска²⁵.

²⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 307, л. 153.

²¹ Там же, л. 154.

²² Там же, л. 160—166.

²³ Там же, стб. 31, л. 56—58, 66, 386, 388; *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. М.; Л., 1937. С. 33—35; *История Сибири.* Л., 1968. Т. 2. С. 46—47.

²⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 4, ед. хр. 26, л. 4, 6—7.

²⁵ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 354—355.

В упомянутой выше челобитной Ю. Поспелова сообщается, как казаки провели наем на службу на свои средства. Зная, что противник превосходит их по численности, служилые решили, чтобы «государеву величеству не учинить позору», нанять на службу «охочих гулящих и промышленных людей». За свой счет служилые наняли на службу 30 чел. и снабдили их хлебом, оружием, запасами свинца и пороха ²⁶.

Известны случаи, когда на собственные средства служилых снаряжались целые экспедиции, как было в 1649 г. с организацией похода в Даурию Ерофеем Хабаровым ²⁷, помощь которому оказывал якутский воевода Дмитрий Францбеков ²⁸.

Характер службы в Восточной Сибири был таков, что в уездном центре оставалась незначительная часть гарнизона, большинство же служилых рассылалось «по службам»²⁹, в том числе в качестве годовальщиков ³⁰. Например, в 1667—1669 гг. из Енисейска только в остроги Прибайкалья и Забайкалья на годовую службу было отправлено 148 чел.³¹ Тогда же, в 1668—1669 гг., «с посылками» различного рода — для ясачного сбора по волостям Енисейского уезда, для сопровождения хлебных запасов в Москву с ясаком, с отписками в другие города и т. д. — из Енисейска было разослано 48 чел.³²

Для всевозможных посылок требовалось значительное число людей. Часто в самом городе или остроге служилых оставалось столько, что его обороноспособность вызывала сомнение. С другой стороны — несение городской службы полностью перелagалось на плечи оставшихся служилых и становилось для них более чем обременительным. Поэтому на протяжении всего XVII в. в городах и острогах Восточной Сибири стояла проблема увеличения численности гарнизонов.

Для служилых эта проблема была актуальной не только в том смысле, чтобы облегчить службу, — возникала проблема боеспособности гарнизона; особенно остро она стояла в приграничных районах. Инициатива казаков и стрельцов распространялась и в этом направлении (один из редких случаев, когда интересы служилых и местной администрации объективно совпадали)³³ — коллективные челобитные с просьбами об увеличении численности гарнизонов встречаются довольно часто ³⁴.

Например, в 1636 г. из Красноярска в Сибирский приказ была отправлена челобитная группа казаков-атаманов, пятидесятников,

²⁶ ЦГАДА, ф. 214, оп. 4, ед. хр. 26, л. 3—4.

²⁷ АИ. Т. 4, № 31. С. 68.

²⁸ *Беспровозанных Е. Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений XVII — середины XIX в. М., 1983. С. 24.

²⁹ ДАИ. Т. 3, № 91. С. 331.

³⁰ Там же. Т. 5, № 5. С. 44; *Леонтьева Г. А.* Служилые люди Восточной Сибири... С. 46.

³¹ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 527, л. 18—20, 25об.— 27об.

³² Там же, л. 20об.— 21об., 28—29, 82—84об., 88—91.

³³ *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Мирские организации... С. 60.

³⁴ ДАИ. Т. 2, № 8, ч. 2. С. 52—53; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 415—416.

десятников и рядовых «всех товарищей своих двухсот пятидесяти человек». В документе сообщается, что в 1635 г. «киргизы» совершили поход на Красноярск, побили многих пашенных крестьян, угнали лошадей. Просьба об увеличении численности служилых в остроге мотивируется малочисленностью гарнизона и невозможностью защиты подгородних крестьян от набегов кочевников³⁵.

Служилые люди не чуждались личного обогащения, и царское правительство было вынуждено предоставлять своей вооруженной опоре льготы в сравнении с другими сословными группами сибирского населения. Стремясь максимально активизировать деятельность служилых людей по объясачиванию районов к Востоку от Енисея и присоединению их к Русскому государству, что увеличивало приток в казну пушнины, правительство часто сквозь пальцы смотрело на деятельность казаков и стрельцов, направленную на незаконное получение «мягкой рухляди». Для казаков и стрельцов эти действия являлись борьбой за свою долю феодальной ренты, с чем правительство, в силу сложившихся обстоятельств, вынуждено было мириться.

Проявляя инициативу при продвижении в «новые земли», при строительстве новых острогов, служилые считали своим неотъемлемым правом собирать пушнину с аборигенного населения для себя.

Уже в 1609 г. кетский воевода Григорий Елизаров писал в Москву, что мангазейские служилые «с кетских ясашных остояков ясак имели скорым делом, воровски на приказных людей и на себя поминки правили и остояков били, и всякие тесноты им чинили»³⁶. Это приводило к тому, что ясачное население уходило дальше в тайгу. Например, в 1682 г. есейские тунгусы, притесняемые мангазейским приказчиком Ильей Степановым, который «с служилыми людьми чинил ясачным тунгусам великих налогу и обиду и разореньи», ушли в Якутский уезд³⁷.

Пушнина для восточно-сибирских служилых была одним из важнейших источников дохода, и они отнюдь не собирались добровольно уступать его. Борьба между служилыми и государством, в том числе и вокруг пушнины, приводила к выступлениям казаков. Выступления эти очень напоминали походы «за зипунами» у казаков в Европейской России³⁸.

Приведенный фактический материал показывает, что служилые люди имели вполне сформировавшиеся взгляды на свои права и обязанности. Разумеется, истоки формирования этих взглядов, представлений были не только в социальном положении данной катего-

³⁵ ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 296, л. 420—423; *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1900. Ч. 3. С. 121.

³⁶ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 216.

³⁷ ЦГАДА, ф. 214, оп. 4, ед. хр. 129, л. 163—182.

³⁸ *Бахрушин С. В.* Казаки на Амуре. С. 47; *Окладников А. П.* Очерки из истории... С. 30—32, 51—55; *Александров В. А.* Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII в. // *Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962; История Сибири. Т. 2. С. 138—152; Резун Д. Я.* Русские в среднем Причулымье... С. 66—67, 72.

рии населения Восточной Сибири XVII в., не только в политике государства в отношении военно-служилого населения. Служилые унаследовали представления тех групп населения, которые были источником комплектования этой категории населения.

Тенденции к замкнутости и самовоспроизводству слоя восточно-сибирских служилых людей наметились только в середине XVII в. В первой половине столетия набор на службу проходил в основном за счет представителей других групп населения, в первую очередь — крестьян Поморья³⁹ и «вольного» казачества, попадавшего в Сибирь вследствие верстания на государеву службу или ссылки⁴⁰.

Естественно, что, приобретая статус служилых людей «по прибору», находящихся на государственной службе, новоприборные казаки и стрельцы сохраняли свое прежнее мировоззрение, традиции своего сословия.

Войсковая организация служилых Восточной Сибири унаследовала черты крестьянского «мира» и войскового «вольного» казачества Европейской России. Решения, определявшие деятельность «войска», принимались на сходе всеми его членами. По функциям и форме проведения общих сход служилых («круг») соответствовал «кругу» донских или волжских казаков⁴¹. Традиции казачьего «круга» прослеживаются у служилых с самого начала проникновения русских в Сибирь: еще казаки Ермака в 1581 г., готовясь к бою с Кучумом, собирали совет⁴².

«Войско» у служилых людей Восточной Сибири было не только репликацией казачьей вольницы, но и организацией, защищавшей их интересы в противоборстве с официальной властью⁴³. Отношение правительства и местной администрации к подобным проявлениям самоуправления было двоякое — все зависело от того, какие вопросы решались на «кругу» и в какой ситуации он собирался. Если «круг» рассматривал вопросы, касающиеся службы (выбор места под острог, очередность службы, тактика военных действий, подготовка экспедиций, ремонтных работ и т. д.), т. е. собирался с целью «радения государеву интересу», то со стороны органов власти никаких

³⁹ См., например: *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда... С. 93; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 56, 68, 81; *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII в. — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 144, 146—149; *Павлов П. Н.* Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 65—67; и др.

⁴⁰ См., например: *Оглоблин Н. Н.* Обзорение... Ч. 3. С. 57; *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда... С. 60—61; *Сафронов Ф. Г.* Ссылка в Восточную Сибирь в XVII в. Якутск, 1967. С. 45—47; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Мирские организации... С. 53—54; *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII в. // История СССР. 1986. № 4. С. 171.

⁴¹ *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе... С. 167—177.

⁴² ПСРЛ. М., 1987. Т. 36, ч. 1. С. 33.

⁴³ *Леонтьева Г. А.* Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х гг. XVII в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973; С. 98; *Крестьянство Сибири...* С. 142.

нареканий в адрес служилых не было. Если «круг» «заводился» в период выступления служилых людей против администрации и решал вопросы, связанные с действиями восставших в отношении отдельных административных лиц, центральной власти и дальнейшего хода выступления, местной администрацией это расценивалось как явление криминальное.

Например, в 1626 г. выступлению служилых людей в Енисейске против воеводы Андрея Ошанина предшествовал выбор «круга» в отряде Василия Алексеева Тюменца, посланного на улус тунгусского князца Тасейка. В отписке воеводы факт сбора «круга» служилыми людьми указывается в качестве одного из обвинений: «...круг заводили и запись меж себя одиначную написали и руки к записи приложили и крест меж собой целовали: что им ево, Андрея, во всем не слушать и под суд не даватца»⁴⁴.

Администрация рассматривала подобные ситуации как попытку служилых «завести Дон», что в действительности так и было. Позиция государства при этом полностью соответствовала его политике использования служилых в качестве некоторого противовеса воеводской администрации⁴⁵. В конечном итоге все определялось расстановкой сил на местах и масштабом злоупотреблений воевод.

Следует обратить внимание на то, что не примкнувшие к «кругу» служилые рассматривались остальными членами «войска» как «мирские губители» и отношение к ним было негативным: иногда дело доходило до репрессий. У удинских служилых людей, например, предусматривалось наказание в «кругу»: «А утверждение у них было, кого доведетца в кругу у них бить, и тем людям угрожали самех в круг имать и каршами бить»⁴⁶. Казачий «круг» был для служилых тем же, что для крестьян община, и казался им наиболее справедливым социальным организмом⁴⁷.

Войсковая организация сибирских служилых не только брала на себя определенные функции местного управления, но так же, как крестьянский «мир», накладывала определенные обязанности на своих членов. Огромную роль в этом играла круговая порука. Она позволяла не только успешно противостоять воеводам с их злоупотреблениями, но и отстаивать личные интересы служилых людей. Круговая порука охватывала все стороны жизни членов «войска». Даже при верстании на службу требовалось поручительство других служилых⁴⁸.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 12, л. 23, 34; *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. С. 32.

⁴⁵ *Крестьянство Сибири...* С. 141.

⁴⁶ *Александров В. А.* Материалы о народных движениях... С. 353—354.

⁴⁷ *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России (период феодализма). М., 1977. С. 95.

⁴⁸ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 354, 362. *Никитин Н. И.* Военно-служилые люди Западной Сибири XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 16; ЦГАДА, ф. 494, оп. 1, ед. хр. 28, ч. 2, л. 280б.

Поручные записи с казаков и стрельцов требовались при отправке их куда-либо для гарантии возвращения⁴⁹. Интересную информацию дает челобитная Григория Яковлева, бывшего в Енисейске «братским толмачишкой». В 1634 г. он был послан с группой служилых людей в Москву с «соболиной казной». После сдачи пушнины «съезжал на Михайлов к родимцам своим». Неизвестно, сколько времени находился Г. Яковлев у своих родственников, но за это время приехавшие с ним енисейцы уехали назад. Поэтому, когда толмач пришел в Казанский дворец и дьяки велели ему «встать на поруки», то поручиться за него было некому. По этой причине Г. Яковлев был брошен в тюрьму. Обвинение в адрес Григория Яковлева со стороны чиновников Казанского дворца заключалось только в том, что он не дает поруки о своей службе в Енисейске⁵⁰.

Среди сохранившихся традиций казачьего самоуправления у восточно-сибирских служилых людей прослеживается возможность выбора командного состава. Правительство постоянно ограничивало выборность у служилых «по прибору», но тем не менее возможность влиять на назначение командного состава оставалась у них на протяжении всего XVII в.

В 1627 г. енисейские служилые просили назначить стрелецким сотником вместо Поздея Фирсова разрядного подьячего Максима Перфильева, так как «служба ему за обычай». Сразу эта просьба не была удовлетворена, но уже в 1628 г. в административной переписке М. Перфильев упоминается атаманом⁵¹.

Известны случаи, когда администрация сама предписывала служилым выбирать командный состав. В 1646 г. для похода на «изменников братских инородцев» в Верхотенске были поверстаны новоприборные. Возглавлявшим поход сыну боярскому Алексею Бедареву и десятнику Василию Бугру якутский воевода Василий Пушкин писал в памяти: «...велеть тем служилым и новоприборным людям выбрать меж себя ясаулов...»⁵².

Разумеется, чаще всего выборность командного состава как сохранившийся элемент казацкой вольности практиковалась в периоды социальных конфликтов. Бунтовавшие в 1629 г. красноярские казаки «выбрали у себя старшин и есаулов пять человек. Для этого они... стали в круг». Выбрав новое «воровское» начальство, красноярцы «ослоп им на себя дали». По мнению А. П. Окладникова, этот выбор «воровского» начальства представлял собой упрощенную церемонию выборов старшин, а «ослоп» заменял булаву — традиционный знак казацких властей⁵³.

Войсковая организация считала возможным влиять не только на назначение своего командного состава, но и на пребывание у власти более крупных административных лиц — приказчиков и да-

⁴⁹ ДАИ. Т. 3, № 30. С. 110; РИБ. Т. 2, № 72. С. 158—159.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 49, л. 95—98.

⁵¹ Там же, стб. 12, л. 91, 94; Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации... С. 54.

⁵² ДАИ. Т. 3, № 4, ч. 2. С. 25.

⁵³ Окладников А. П. Очерки по истории западных бурят-монголов. С. 51.

же воевод. Возможность отказа воеводам рассматривалась служилыми как неотъемлемое право «войска» в случае чрезмерных злоупотреблений властью.

Во избежание обвинений в «воровстве» со стороны правительства казаки очень умело изображали злоупотребления воевод как государственную измену или просто как «нерадение» государеву интересу, в зависимости от характера этих злоупотреблений, и просили прислать другого воеводу.

Начиная активные действия против воевод, служилые стремились придать им законный характер — собираясь на «круг», они составляли коллективную челобитную всего гарнизона, в которой перечислялись злоупотребления воеводы, его действия, совершенные «неведомо для чего» и «без государева указа». Там же выбирались посланники, отправлявшиеся с этой челобитной в Москву.

Правительство относилось к подобным действиям служилых людей как к «воровству», но тем не менее вынуждено было считаться с мнением «войска». Служилые это прекрасно понимали. Понимали и воеводы, позицию которых можно выразить словами Якова Тухачевского, сказанными в момент разлада с «войском» во время похода на кочевников в 1641 г., что если казаков не унять, то они «и воевод из Сибири выгонят»⁵⁴.

Войсковая организация имела свою «казну», или «коробью»⁵⁵, что само по себе было важной привилегией. Например, красноярская войсковая организация в конце XVII в. на общие нужды черпала из своего фонда, состоявшего из «животов» убитого сына боярского Степана Иванова⁵⁶. Таким же образом поступали в других гарнизонах. Имущество, конфискованное у некоторых сторонников воеводы Кокорева в 1630—1631 гг., во время мангазейской «смуты», использовалось для выдачи служилым людям, посылаемым в ясачные зимовья, и для других государственных нужд. Все выдачи записывались⁵⁷.

Отправляемые по «войсковым нуждам» получали право в случае необходимости занимать по кабале деньги на проезд и для других целей, а «войско» обязывалось покрывать эти расходы⁵⁸.

Функции войсковой организации были настолько широки, что иногда она успешно заменяла воеводскую администрацию. Переселившиеся в Албазин из Прибайкалья в 1665 г. служилые люди не только успешно решали все вопросы внутреннего управления, но и выполняли такую государственную функцию, как сбор ясака с або-

⁵⁴ *Крестьянство Сибири...* С. 143; *Резун Д. Я.* Русские в среднем Причудьме... С. 72.

⁵⁵ *Александров В. А.* Материалы о народных движениях... С. 366.

⁵⁶ *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда... С. 183.

⁵⁷ *Бахрушин С. В.* Мангазейская мирская община в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 322.

⁵⁸ *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Мирские организации... С. 55; см. также: *Зольникова Н. Д.* Сыск 1698—1700 гг. над иркутскими казаками о «недовозной казне» // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 114—145.

ригенного населения. Ясачные книги хранились в Албазине с другими официальными документами ⁵⁹.

Таким образом, представления казаков и стрельцов о государственной службе определялись не только их социально-экономическим положением в общественной иерархии XVII в., но во многом были следствием существовавших в то время в Сибири отношений между служилыми и государством, следствием реальной расстановки сил.

Социальным происхождением всей категории восточно-сибирских служилых людей можно объяснить их представления о правах и обязанностях, сочетавшие черты бунтарского духа «вольных» казаков и наивный крестьянский монархизм. Именно этим можно объяснить обычное для служилых «радение государеву интересу» в сочетании с постоянной личной материальной заинтересованностью.

Государство, для которого именно служилые были реальной опорой в процессе присоединения и эксплуатации районов Восточной Сибири, было вынуждено часто сквозь пальцы смотреть на многие злоупотребления служилых людей и всячески поощрять их служебное рвение, их инициативу.

Функции войсковой организации служилых людей полностью соответствовали их взглядам и определялись опытом мирского самоуправления той части служилых, которые происходили из крестьян Русского Севера, и перенесенными в Сибирь традициями управления казачьих районов. По всесторонности своих функций войсковая организация вполне могла заменить административный аппарат.

Стремления служилых людей были направлены на самоуправление войсковой организации как единого, независимого от местной администрации организма. В то же время их действия не были направлены на разрыв отношений с государством. В те сравнительно немногочисленные моменты, когда самоуправление достигало максимума, «войско» брало на себя выполнение государственных функций, что говорит о борьбе служилых людей не с феодальным строем в целом, а с отдельными представителями администрации. Именно это позволяло войсковым организациям вписываться в сложившуюся в Восточной Сибири систему управления.

⁵⁹ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 25.